

**ОТ РЕВОЛЮЦИИ ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ
К РЕВОЛЮЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ:
МАКЕДОНИЯ И ФРАКИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Автор обращается к вопросу о глубинных предпосылках роста болгарского национально-освободительного движения в Македонии и Фракии в конце XIX – начале XX в. Он приходит к выводу, что болгарская национальная революция в Македонии оказалась возможной в результате соединения целого комплекса специфических предпосылок – от демографических и экономических до предпосылок, связанных с социальной психологией, информационной революцией и изменением коллективных представлений. Особое внимание при этом он уделяет демографическому фактору, обеспечившему в период после провозглашения Танзимата не только количественный рост болгарской этнической группы в Македонии и неуклонное расширение поля болгарской культуры, но и значительное омоложение и радикализацию болгарского социума. Поколенческая революция, покончившая с властью осторожных стариков в традиционных болгарских общинах Македонии и Фракии, стала прологом к национальной революции.

Ключевые слова: Македония, Фракия, Болгария, Османская империя, македонский вопрос, Внутренняя македоно-одринская революционная организация (ВМОРО), Верховный македоно-одринский комитет (ВМОК), «демографический приоритет молодежи».

«Македонская смута» – такое емкое определение дали современники сложнейшему клубку проблем, поразивших с конца XIX в. еще остававшийся под османским господством регион, превратившийся в яблоко раздора на Балканах. Начиная с этого времени и до Балканских войн 1912–1913 гг. и Первой мировой населенная преимущественно болгарями Македония, ставшая театром и освободительной антитурецкой борьбы, и внутривосточной междоусобицы, не прекращала напоминать о себе Европе и миру чередой кровавых эксцессов в бесконечной герилье. Сводки с полей, гор и ущелий Македонии прочно заняли свое постоянное место в информационном поле мировых СМИ. «Никогда не прекращающаяся балканская война», о которой буднично и почти равнодушно читает в газетной статье бунинский

«господин из Сан-Франциско», наверняка могла иметь местом своей прописки именно Македонию.

Многих, однако, эти нескончаемые и будничные сводки завораживали. Некоторые, как американские журналисты Альберт Сониксен [см.: Сониксен] и Артур Смит [см.: Смит], отважились изведать революционную романтику и приняли непосредственное участие в македонской борьбе в составе болгарских чет. Не была лишена Македония и добровольцев из России, с готовностью откликнувшихся на зов своих братьев болгар о помощи в дни Ильинденско-Преображенского восстания 1903 г. Известный русский знаток Македонии П. Н. Милюков в своих мемуарах следующим образом воспроизводит героико-романтическую атмосферу, которую он застал во время своего первого посещения Македонии в 1899 г.: «Население это (македонских болгар. – Д. Л.) я застал уже мобилизованным для борьбы за национальное единство... Македонцы говорили мне, конечно, не все, что делалось втайне. Но они приоткрывали мне достаточно завесу, чтобы судить, что я присутствовал при самом зарождении знаменитой потом революционной Внутренней организации... Я знал и о сочувствии местного населения к своей же молодежи, из которой выходили четники, «комиты» (по-гречески: «деревенские») новой организации, всегда готовые скрыться в ближайших «планинах» (горных плато)... Но движение было еще в самом начале: восстания кончались жестокими расправами и имена местностей и местных героев заносились в летопись революции, служа поощрением для патриотического настроения молодежи» [Милюков, 1990, с. 193, 195].

Тем не менее, внутренняя природа болгарского ирредентистского движения, захлестнувшего на рубеже XIX–XX вв. Македонию и настроившего против болгар почти всех их соседей, долго оставалось не до конца понятой наблюдателями. Массовость участия болгарского экзархийского населения в революционной конспирации поражала, как и совершенно современные, с точки зрения организации и информационного (пропагандистского) сопровождения, методы национально-освободительной борьбы. Впечатляющими выглядели и масштабы, и темпы подготовительной революционной работы в Македонии. Начавшая свой исторический путь в 1893 г. с кружка из шести болгаро-македонских интеллектуалов, Внутренняя македоно-одринская революционная организация (ВМОРО) всего за десять лет превратилась в важнейший фактор, без учета которого невозможно было эффективное решение македонского вопро-

са. Один из ее ключевых идеологов и руководителей Христо Матов в программном документе первой половины 1904 г. справедливо указывал на превращение организации в могущественное «государство в государстве», настолько сросшееся своей структурой с народом, что уничтожить ее можно было лишь одновременно со всем христианским населением Македонии¹ [Матов, с. 55]. О значимости указанной организации может свидетельствовать не только тот факт, что официальная Болгария вынуждена была согласовывать с ней внешнеполитический курс, а порой и вовсе превращалась в ее заложника, но и ставшие ныне известными исследователям сведения о попытках турецкого правительства вступить в прямой диалог с руководителями болгаро-македонских революционеров в конце 1903 – начале 1904 г. для урегулирования ситуации в Македонии после Ильинденско-Преображенского восстания² [Официалната и тайната българо-турска дипломатия, с. 8–9, 19–22, 26–35].

У многих наблюдателей, журналистов, публицистов, военных и дипломатов той поры резонно возникал вопрос о степени соотношения принуждения (и соответственно искусственной социальной инженерии) и добровольного участия населения (и соответственно импульсов снизу) в генезисе македоно-одринского движения. Пессимисты-прагматики пытались убедить читающую публику в том, что «волнение в Македонии есть дело небольшой кучки агитаторов» либо же агентов заинтересованных держав. Однако знакомые с живой тканью болгаро-македонского общества специалисты убеждали в обратном. П. Н. Милюков, в частности, обращал внимание на отсутствие ощутимого интеллектуального барьера между основной массой болгарского, преимущественно сельского, населения Македонии и Фракии и местными болгарскими учителями, являвшимися главными организаторами и руководителями освободительного движения [Милюков, 1899]. Отвергая популярный сегодня конструктивистский тезис о вездесущей роли элит и искусственной социальной инженерии как обязательном условии любого исторического действия, он указывал на следующий основополагающий факт: «При элементарном социальном строе и невысоком образовательном уровне македонская интеллигенция всеми своими корнями остается в народе, оказыва-

¹ Но и в таком случае, намекал Х. Матов, македонцами будет одержана победа, поскольку, не добившись свободы, они по крайней мере реализуют вторую часть своего лозунга «Свобода или смерть».

² Болгарские авторы Ц. Билярски и В. Китанов отмечают, что инициатором начавшихся в декабре 1903 г. переговоров между ВМОРО и Турцией была именно турецкая сторона. Однако руководство организации сразу же приняло предложение Высокой Порты и составило на имя султана Абдул-Хаида проект реформ для Македонии.

ет на него непосредственное влияние и сама *подвергается влиянию с его стороны* (курсив мой. – Д. Л.) ... Эта македонская интеллигенция и народ живут одними и теми же идеалами, настолько понятными и близкими для массы, что распространять приходится не сами идеалы, а только способы их осуществления» [Милуков, 1899, с. 52–53].

К схожим, хотя и более сложным, выводам приходили и официальные представители России на Балканах, имевшие возможность длительное время вблизи наблюдать за развитием болгарского национального движения в Македонии и Фракии. Не затушевывая в своих отчетах и донесениях явно неприглядную картину революционного насилия и принуждения, применявшегося Внутренней революционной организацией, они вынуждены были тем не менее раз за разом признавать, что «болгарское население Македонии... в массе [своей] все-таки сочувствует мысли об освобождении от Турции» и поддерживает революционные комитеты, которые «добиваются отторжения Македонии от Турецкой империи». Отмечали они и тот факт, что идея национальной революции явилась не на пустом месте: «церковь и школа одинаково заботились о том, чтобы в народе не заглохло сознание связи его с освобожденной Болгарией и надежда соединиться когда-нибудь с нею»³ [РГВИА, л. 186].

Даже такой одиозный и субъективно просербски настроенный деятель, как русский консул в Скопье А. К. Беляев, которого менее всего можно было бы заподозрить в симпатиях к болгарскому освободительному движению в Македонии, 26 июля 1903 г. отправил послу России в Константинополе секретное донесение следующего содержания: «Сформирование этих (повстанческих. – Д. Л.) отрядов произошло несмотря на присутствие в крае значительных [турецких] войск и несмотря на уверенность самих крестьян в страшной экзекуции, которая их ждет по подавлении восстания. Сопоставление этих обстоятельств невольно приводит к заключению, что идея освобождения Македонии пустила глубокие корни во всех слоях болгарского населения Битольского вилайета. Такое же заключение должен я сделать и по отношению к Северной Македонии, т. е. Ускюбскому санджаку. Из повседневного общения с представителями различных слоев местного болгарского населения я все более и более убеждаюсь, что оно все поголовно устало от турецких насилий и только и живет надеждой на освобождение, вполне от мала до велика сочувствуя деятельности комитетов, несмотря на злоупотребления и вымогательства последних» [Струкова, 1963, с. 311].

³ Цит. по донесению российского военного атташе в Константинополе Э.Х. Калнина от 20 марта 1903 г.

Часто упоминаемые русскими дипломатами в таких случаях турецкие насилия, означавшие, как правило, спектр контртеррористических действий: зачистки, допросы, аресты и репрессии, – в действительности являлись не более чем производным от революционной активности македонских болгар. Они были во многом вторичны и не могли стать побудительной причиной того революционного взрыва, который поразил Македонию на рубеже XIX–XX вв.

Таким образом, если участие в революционной борьбе и самопожертвование были действительно массовыми и добровольными, то предстоит ответить на вопрос, каковы же были внутренние и скрытые пружины, приведшие в действие целый народ – македонских болгар. Народ, в отношении которого многие его лидеры еще два-три десятилетия до описываемых нами событий отзывались крайне скептически, не веря в его способность не только подняться на революционную антитурецкую борьбу, но и вовсе сохранить свою идентичность под напором национальных пропаганд соседних пробуждающихся и демонстрирующих свою пассионарность народов⁴.

Иными словами, нам предстоит ответить на вопрос, что побуждало огромные массы населения, принадлежавшие к разным социальным слоям, жертвовать, как выразился профессор Любомир Милетич, всем своим милым и дорогим [Материали, кн. 1, с. 4] и включаться в национально-освободительную борьбу. Вопрос до сих пор не получил однозначного ответа в литературе. И для его разгадки едва ли будут достаточны классические методы традиционной исторической науки, опирающиеся на три константы – личность, дата, событие⁵. Именно междисциплинарный подход, на наш взгляд, позволит увидеть, что болгарская национальная революция в Македонии оказалась возможной в результате соединения целого комплекса специфических предпосылок – от демографических и экономических до предпосылок, связанных с социальной психологией, информационной революцией и изменением коллективных представлений.

⁴ Хорошо известно, в частности, горькое признание болгарского публициста и возрожденца П. Славейкова, сделанное им в 1871 г.: «В Македонии, земле милой всякому болгарину, чувства самосознания нет у большинства наших» [цит. по: Струкова, 2004, с. 88]. Тогда как видный лидер уже революционного крыла болгарского национального движения Христо Ботев в своих алармистских статьях 1875 г. даже предрекал, что в случае продолжения «идиотской пропаганды» Сербии в «северо-западных краях нашего отечества» Македония всего через пять лет будет навсегда потеряна для болгар [см.: Ботев. Раздорите между Балканските народи; Ботев. Сръбската пропаганда].

⁵ Именно такую событийную повествовательную историю французский историк и философ Анри Берр в 1911 г. провозгласил «историзирующей» историей или историей «поверхностной», чье место должна занять история глубинных процессов: экономических, социальных, ментальных.

Говоря о причинах колоссального духовного и психологического подъема, охватившего болгарское общество в последней четверти XIX – начале XX в. и сформировавшего условия для величественной Ильинденской эпопеи, нельзя не остановиться на тех значимых изменениях, которые испытал болгарский народ в экономической и социальной сферах. Старт эпохи, которую Мария Тодорова удачно окрестила «оптимистичным периодом болгарского национализма» [Тодорова, с. 165], был в одинаковой степени дан как идеями первых болгарских возрожденцев, так и проникновением элементов нового капиталистического уклада в болгарские земли, несшего с собой дух рыночной свободы и инициативы, расширявшего кругозор человека и формировавшего психологию свободной личности. Условия как для первого, так и для второго были созданы реформами эпохи Танзимата⁶. Они же нанесли и первый сокрушительный удар по традиционному соотношению социальных ролей между христианами и мусульманами в европейской Турции, резко ограничили основанную на шариате систему террора и дискриминации в отношении христианских подданных Порты. Одним из первых следствий этого, как отмечал известный болгарский этнограф и общественный деятель конца XIX в. В. Кынчов, стала демографическая революция в болгарских землях: при снижающейся смертности, в том числе и детской, стала расти рождаемость и соответственно естественный прирост населения.

Исследователи, принадлежащие к культуре постмодерна, такие явления, как многодетность и естественный прирост населения обычно рассматривают как признак отсталости и немодерности общества [см., напр.: Иванова, с. 140]. На наш же взгляд, такая картина бэббума – когда при сохранении или повышении прежнего (традиционного) уровня рождаемости происходило резкое сокращение детской смертности и смертности трудоспособного населения благодаря развитию медицины и навыков элементарной гигиены и профилактики болезней среди населения – как раз характеризовала общество, вступающее в модернизацию. Аналогичные процессы, к примеру, протекали и в пореформенной России в последней трети XIX – начале XX в. Радикальное омоложение общества, таким образом, было почти повсеместным спутником начальной стадии модернизационных процес-

⁶ В этом плане нельзя не признать справедливым утверждение болгарского исследователя Х. Мишкова о том, что «национальная культура возрождения не появилась бы, если бы империя целенаправленно действовала против нее» [цит. по: Гришина, с. 48]. Турецкий историк Ф. Аданир в свою очередь, ссылаясь на обширные возможности, которые открыл Танзимат для болгарского общества, делал вывод о том, что «процесс модернизации Османской империи и процесс национального возрождения болгарского народа шли рука об руку» [Аданър, с. 73–74].

сов. В дальнейшем же, по мере углубления модернизации, затронувшей в итоге семью и ценностные установки личности, естественный прирост снижался. Именно поэтому феномен «Молодой Болгарии», как и феномен «Молодой России», «Молодой Сербии» и т. д., характерный для крестьянских обществ второй половины XIX – начала XX в., был уникален и неповторим в их дальнейшей истории.

Что касается турецкого общества, находившегося в этот период глубоко в лоне традиционализма и имевшего весьма смутные представления о современном здравоохранении, оно не могло похвастаться подобными демографическими⁷ успехами, благодаря чему этнодемографический баланс между христианами и мусульманами в империи вплоть до Балканских и Первой мировой войн неуклонно менялся в пользу первых. Причем эти процессы были характерны не только для европейской Турции, но и для малоазиатских владений империи. Уже в 1830–1840-е гг. ежегодный естественный прирост немусульман в Анатолии составлял 1,6 %, тогда как мусульман – 0,9 %. В Румелии это соотношение равнялось 1,3 и 0,7 % соответственно [Фадеева, с. 47]. При этом прирост болгар-христиан во второй половине XIX в., по данным В. Кынчева, достиг рекордных 2 % в год, превзойдя более чем в два раза прирост турецкого населения [Кынчов, 1996, с. 56]. В итоге, достигнув 42 % среди населения европейской Турции к 1831 г. [Иванова, с. 62], мусульмане с этого времени начали терять свои позиции, тогда как поле болгарской культуры, наоборот, с каждым годом все более расширялось.

Увеличившееся и значительно помолодевшее с середины XIX в. болгарское население хлынуло в города, имевшие до этого преимущественно мусульманский облик. В итоге за половину века численность болгар в городах выросла в три-четыре раза, тогда как в селах – в два-три раза [Кынчов, 1996, с. 20]. Наглядный пример представлял расположенный в Западной Македонии Охрид. Согласно турецким налоговым документам, в 1833 г. в городе числилось 900 домов, принадлежавших мусульманским семьям, и 200 христианских домов. В 1898 г. в Охриде насчитывалось уже 1253 болгарских дома и всего 1156 турецких [Там же, с. 21].

Демографический взрыв имел следствием настоящую поколенческую революцию, покончившую с властью «стариков». Увеличив-

⁷ Вдобавок к этому следует отнести большие демографические потери, понесенные турецким этносом в ходе нескончаемых войн, а также в результате частых эпидемий XVII – первой половины XIX в. По словам Кынчова, в то время как христиане в панике бежали от любых слухов о приближении чумных эпидемий в горы, мусульмане «с фанатичным хладнокровием» встречали болезненную напасть у себя дома, вымирая часто целыми селами и кварталами, которые затем доставались христианам [Кынчов, 1996, с. 56; Кынчов, 1970, с. 68].

шееся количество молодых не преминуло трансформироваться в качество и особый радикальный психологический настрой болгарского общества. Пристальное изучение македонской действительности в конце XIX – начале XX в., особенно в ее социальном и социально-культурном разрезе, наводит на мысль о том, что именно демографический фактор в соединении с другими не менее важными предпосылками национального подъема лег в основу болгарского пассионарного взрыва в этот период. Один лишь анализ возрастного состава как рядовых участников болгарского революционного движения в Македонии и Фракии, так и его руководителей среднего и высшего звена убеждает нас в том, что судьба болгарского народа в Македонии (а косвенно и в самой Болгарии, развитие которой во многом оказалось зависимым от разрешения македонского вопроса) оказалась в руках крайне юной генерации⁸. Настолько юной, что сегодня в отношении такой возрастной категории принято даже говорить о незавершенной социализации, не то что о способности возглавить серьезные политические процессы и движения. Тем не менее, болгарской молодежи на рубеже XIX–XX вв. удалось это сделать. Иными словами, связь между национальным подъемом и радикальной демографической и поколенческой революцией, захлестнувшей болгарские земли после эпохи Танзимата, кажется очевидной.

Ученые подметили, что насилие имеет тенденцию происходить в обществах, где молодые люди 15–29 лет составляют больше 30 % от общего населения. Одним из первых этот вывод в 2003 г. научно обосновал немецкий ученый Г. Гейнзон в своей нашедшей книге «Сыновья и мировое господство: роль террора в подъеме и падении наций». Автор убедительно показал, что отнюдь не бедность и экономические трудности стоят у истоков массовых народных движений современности: «Голодающие люди не воюют, они только страдают. Насилие же – это предсказуемый и неизбежный результат в тех случаях, когда молодые люди сыты и живут в обществе, где их слишком мно-

⁸ В болгарской историографии на этот факт обратил внимание С. Елдаров [Елдьров, 2011, с. 54, 57]. Именитый болгарский исследователь выделяет как минимум четыре поколения «молодой Болгарии», которые, следуя друг за другом, посвятили свою жизнь борьбе за национальное освобождение и объединение: «поколение Левско и Ботева» (руководители и деятели Апрельского восстания, рожденные в конце 30-х – первой половине 50-х гг. XIX в.), «поколение Дамяна Груева и Гоце Делчева» (рожденные в 1868–1872 гг. и инициировавшие в 1890-е гг. македоно-одринскую борьбу), «поколение Тодора Александрова» (рожденные уже после освобождения Болгарии и вышедшие на арену македоно-одринской борьбы в постиндусский период) и «безымянное» военное поколение Балканских войн и Первой мировой, рожденное в смутные 1890-е гг. Все четыре молодые болгарские генерации объединяла, по словам автора, одна и та же, не характерная для других эпох, готовность к самопожертвованию ради идеала [Елдьров, 2011, с. 54–63].

го и где они негодуют на это самое общество, поскольку понимают, что оно не в состоянии их востребовать». Гейнзон при этом подчеркивает, что молодые люди ищут и с готовностью воспринимают идеологию, которая извиняет и освобождает их от ответственности [см.: Heinsohn].

Демографические показатели развития болгарских земель (не только в Македонии и Фракии, но и в самой Болгарии) в последней трети XIX – начала XX в. свидетельствовали о полном вызревании условий, необходимых для «бунта молодежи». Данные официальной статистики Болгарского княжества говорят о том, что в последние два десятилетия XIX и начале XX в. дети и молодежь до 20 лет составляли половину населения страны, а возрастная категория 20–40-летних – примерно 27–29 % [Елдьоров, 2011, с. 58]. Средний возраст болгарина в 1900 г. составлял менее 26 лет [Даскалов, с. 13–14].

Неудивительно, что при таком раскладе болгарское общество как в княжестве, так и за его пределами уже вскоре ощутило горячее дыхание молодежи. Описанная биографом Гоце Делчева Крумом Христовым встреча легендарного «ревизора всех чет в Македонии» с председателем Верховного комитета в Софии генералом Дамянном Николаевым в феврале 1896 г. служит в действительности иллюстрацией взаимовосприимчивости не столько представителей двух разных течений в болгарском македоно-одринском освободительном движении, сколько представителей двух разных поколений болгарских национальных революционеров. В феврале 1896 г. Гоце Делчев, которому едва исполнилось 24 года и которому еще только предстояло стать руководителем военного крыла ВМОРО, от лица Центрального комитета Внутренней организации отправился на очередной раунд переговоров с лидерами возникшего годом ранее Верховного комитета, от которого ожидали содействия в доставке в Македонию оружия, боеприпасов и агитационных материалов. На этот раз в Софии Делчева ждал 43-летний боевой генерал Николаев, прошедший три войны, воочию наблюдавший муки рождения болгарского государства и представлявший всю сложность стоявшей перед Болгарией задачи разрешения македонского вопроса.

Генерал с интересом выслушал речь несостоявшегося юнкера (Делчев был отчислен из софийского юнкерского училища в 1894 г. формально по причине «социалистических взглядов» [Яворов, с. 32]) и даже согласился оказать помощь деятельной македонской молодежи при условии, что она не будет предпринимать самостоятельных действий в Болгарии и за пределами Турции, сосредоточится исключительно на подготовительной революционной работе в Македонии и

будет ждать сигнала о восстании от Верховного комитета. Возражения Делчева о том, что Верховный комитет, македоно-одринская эмиграция и болгарское общество должны играть лишь вспомогательную роль (роль материального снабженца и политического агента влияния внутри Болгарии), тогда как руководящий центр освободительного движения должен остаться в Македонии, привел Николаева в замешательство. Заметно разнервничавшийся генерал стал сбивчиво объяснять зарвавшемуся юнцу (Николаев подчеркнул несколько раз сделал акцент на возрасте Делчева), что одного молодецкого рвения будет явно недостаточно, чтобы сдвинуть такой сложный вопрос международной политики, как македонский, с мертвой точки: «Вы, молодой человек, считаете, что македонское население способно бороться, поднять революцию? О детских делах Вы говорите... Какую организацию Вы думаете создавать там?.. Я гарантирую Вам, что, когда придет время, я поведу за собой 20–30 тысяч человек запасного рядового состава. Со мной офицеры... А с крестьянами ничего серьезно нельзя сделать... Политическую сферу Вы должны полностью предоставить нам... Вы ничего не знаете о международном положении. У меня письма из заграницы. Мы решим, когда наступит момент для действий. Понимаете?» [Христов, с. 124–126].

Похожее отторжение замыслов македонских радикалов было характерно на первых порах и для руководителей болгарского внешнеполитического ведомства. Когда весной 1899 г. Иван Гарванов, глава салоницкого Революционного братства, умеренной, несмотря на свое название, организации, вступившей в противостояние с ВМОРО, отправился в Софию за разъяснениями относительно политики официальной Болгарии в Македонии, принявший его премьер-министр Константин Стоилов продемонстрировал приказ об аресте членов ЦК Внутренней организации в случае, если они ступят на болгарскую территорию, добавив, что «убедился, что никакие идеалы они не преследуют» [Материалы, кн. 5, с. 122]. В выпущенном К. Стоиловым в сентябре 1898 г. циркуляре, предостерегавшем болгарских торговых агентов в Македонии от сотрудничества с ВМОРО, специально отмечалось, что организация «попала в нечистые руки» и «превратилась в шайку разбойников» [Македония и Тракия в борьба за свобода, с. 28].

Такой пренебрежительный настрой болгарских властных кругов продлился недолго. В 1899 г., содействовав избранию 27-летнего поручика Бориса Сарафова на должность председателя Верховного комитета, ВМОРО фактически добила подчинения себе этого масштабного полувоенного института, начавшего постепенно сращивать-

ся со структурами государственного аппарата Болгарии и превратившегося на короткий период времени, по словам болгарского офицера и македоно-одринского деятеля П. Дырвингова, в настоящее «страшилище» для князя, правительства и партий⁹ [Елджров, 2003, с. 40–41]. Неожиданно быстрый, почти лавинообразный, рост влияния Внутренней организации застал болгарское правительство врасплох и заставил считаться с ней. Организация отныне стала восприниматься как «народная партия» в Македонии в противовес терявшему популярность Экзархату [Пандев, с. 80]. А после Ильинденского восстания в документах болгарского внешнеполитического ведомства Революционная организация вчерашних не признаваемых никем юных экстремистов и вовсе стала именоваться не иначе как «болгарской политической властью в Македонии» [Михов, с. 124].

При этом если в княжестве политическая агрессивность молодежи все же сдерживалась институтами современного государства, то в населенных болгарам Македонии и Фракии ей не представляло большого труда преодолеть сопротивление традиционных общин и установить свою безраздельную гегемонию на пространстве, подконтрольном ранее Экзархату.

Очевидно, что борьбе македонской молодежи против турецкого государства предшествовала ее борьба за лидерство внутри болгарской общины Македонии и Фракии, развернувшаяся в первой половине 1890-х гг. ВМОРО как организация, по признанию многих ее основателей, выросла именно в этой борьбе за церковно-школьные общины, являвшиеся средоточием общественной жизни македонских и фракийских болгар. Один из лидеров организации Герче Петров в своих мемуарах отмечал: «Около 1890 г. во всех более или менее оживленных болгарских центрах *среди молодежи* (курсив мой. – Д. Л.) незаметно возникло настроение против владык, общин, экзархийских учителей и служащих и появилось движение против стремления Экзархата бесконтрольно господствовать в церковных и школьных делах в стране» [Материалы, кн. 8, с. 10–11]. На ту же закономерность во время своей поездки по Македонии в 1893 г. обратил внимание и

⁹ В качестве примера сращивания ВМОК Б. Сарафова с государственными структурами Елдеров приводит установившуюся практику комитета требовать и получать содействие от гражданских и военных властей Болгарии. Так, 10 января 1900 г. он отправил циркулярное послание всем учреждениям в столице, в котором не просил, а требовал предоставить ему списки выходцев из Македонии и Фракии, находящихся у них на службе. До конца февраля свои списки предоставили министерства, управления, дирекции, суды, учебные заведения, полицейские участки и тюрьмы. Единственно штаб 1-й пехотной Софийской дивизии отказался предоставить подобную информацию без предварительного разрешения Министерства обороны. В самом министерстве при этом даже не колебались с составлением списка.

будущий первый председатель Центрального комитета ВМОРО Христо Татарчев: «Повсюду в болгарских центрах вспыхивала одна и та же борьба между общинами и Экзархатом» [Материали, кн. 9, с. 99].

Г. Петров едва ли кривил душой, когда утверждал, что указанное «движение было почти стихийным и имело не очень определенные требования: [в основе его лежало] общее недовольство строем экзархийских учреждений». «Определенным, чего добивалась молодежь, – продолжал он, – было то, чтобы общины перешли из рук стариков и духовенства в руки молодежи» [Материали, кн. 8, с. 11]. Много позже известный террорист-гемиджия Павел Шатев от лица той самой бунтарской генерации молодежи откровенно признавался: «Мы направляли всю свою критику против духовенства, которое некоторые из нас называли “черной жандармерией”, состоящей из чревоугодников, лентяев, бюрократов, реакционеров... Не было владыки, архимандрита или архиерейского наместника, которого бы мы не критиковали... Критика, однако, в большинстве своем была сухой, необоснованной и беспредметной, попросту нужно было найти объект критики, чтобы излить как-то свое негодование и гнев, найти применение *юношескому рвеню* (курсив мой. – Д. Л.)» [Шатев].

Борьба часто принимала драматичные формы и протекала не только внутри общины, но и внутри семьи. Стремление уберечь детей от соблазна четнической и революционной романтики превратилось в головную боль целого поколения болгарских родителей в Македонии и Фракии в конце 90-х гг. XIX – начале XX в.

Один из рядовых участников македоно-одринской борьбы Спас Я. Манчев (1874 г. р.) вспоминал, например, что его отец был против дружбы сына с молодым сельским учителем, прибывшем в их родовишское село Скоруша в 1899 г. Сельский даскал, приведенный в село молодежью, у стариков ассоциировался с некой страшной и малопонятной затеей: «Было что-то страшное в разговорах [стариков] о некой организации» [ЦДА, л. 3]. По мере того как революционная агитация по селам усиливалась, отцы старались уберечь от нее своих взрослых сыновей, скрыть от них факт появления первых чет и схронов с оружием. Часто при этом дело доходило до открытого конфликта. Одно из воспоминаний, записанное проф. Л. Милетичем, повествует о том, как молодой революционер на глазах у своих приятелей не колеблясь покончил со своим отцом, осмелившимся упрекать его в пагубности четнической деятельности и угрожавшим донести властям о вступлении сына в чету [Материали, кн. 2, с. 39]. Струмицкий учитель и активист ВМОРО Васил Драгомиров (1881 г.

р.) в своих мемуарах рассказывает о том, как старался скрывать от родителей участие в местном революционном комитете. Правда стала для них, бедных чифлигаров в прошлом, настоящим потрясением. Мать с отцом срочно нашли сыну невесту и со слезами на глазах умоляли его жениться и оставить опасные революционные затеи. После долгих уговоров 23-летний Васил вынужден был уступить напору родителей, но, как позже записал в мемуарах, «и будучи женатым, не отошел от дел организации» [Борбите в Македония, с. 168–169].

В большинстве случаев речь шла о родителях, имевших устойчивое болгарское самосознание и являвшихся ярыми болгарскими патриотами, убежденными в необходимости воспитать детей в национальном духе, но не подозревавших о последствиях такого воспитания. Подобных свидетельств огромное множество. Все они рисуют картину колоссальной человеческой трагедии, но в то же самое время и беспримерный героизм и экзальтацию молодого общества, находящегося на изломе своей исторической судьбы.

Усилия осторожных стариков, знавших о войне и болгарских восстаниях не понаслышке, были бесплодны. Схватка была недолгой – за неполное последнее десятилетие XIX в. поколению 20–25-летней молодежи удалось не только возглавить болгарское общество в Македонии¹⁰, заразив его своей решительностью, готовностью к жертвам и искренней и непоколебимой верой в правоту и справедливость освободительной борьбы, но и заставить официальную Болгарию согласовывать свой внешнеполитический курс с интересами и требованиями Революционной организации. В этом последнем заключалась истинная и главная победа молодой генерации македонских болгар, рожденных в самом конце 60–70-х гг. XIX в. «Наши матери все в черном ходят и по нам плачут; эх, развеи знамя Мануш-войвода!» – эти слова одной из популярных этнических песен начала XX в. с полным основанием можно назвать символом всего того молодого поколения болгар, которое добровольно принесло себя в жертву ради достижения казавшегося таким близким национального идеала освобождения и объединения болгарских земель.

¹⁰ Прежде всего это выразилось в том, что созданная болгаро-македонской молодежью Внутренняя революционная организация смогла в кратчайшие сроки не только отгеснить Экзархат на периферию национального движения, но и подчинить его деятельность задачам революционной борьбы – экзархийская сеть церковно-школьных заведений была превращена в корневую систему и легальное прикрытие для организационно-пропагандистских структур ВМОРО. К 1907 г., по сведениям болгарского дипломата А. Тошева, в сельской местности в Македонии активистами ВМОРО, воздействовать на которых у экзарха не было никакой реальной возможности, являлись уже до 90 % экзархийских учителей и священников [Свирачев, с. 114–115].

Уже после всех национальных катастроф представитель той самой уже значительно повзрослевшей и сильно поредевшей молодежи Александр Протогеров вынужден был признать (в 1926 г.): «И действительно, создание Революционной организации принесло несчастью не только болгарам в Македонии, но и Болгарии. Две катастрофические войны. Никто не мог предвидеть того, что произойдет, что Македония останется рабской под сербским и греческим ярмом... После Балканской войны все мы осознали огромную ошибку, которую мы совершили, не послушав более умных из нас – экзарха, деда [пловдивского митрополита] Максима и особенно скопского валию» [Биллярски, с. 131].

Таковы были горькие прозрения от встречи с ужасной действительностью. Но на рубеже XIX–XX вв. реальность представлялась болгарской национально ориентированной молодежи совсем в ином цвете. В этом плане безусловно следует признать долю справедливости в выводах Г. Гейнзона о том, что в условиях демографического приоритета молодежи ее зачастую сложно остановить, объяснив, что ее идеи неправильны. Массовые движения не создаются идеями насилия и борьбы. Напротив, подобные идеи рождаются в ответ на потребность движения. Как здесь не привести замечательное свидетельство Герче Петрова о готовности в некоторых районах населения к появлению революционной организации. По мере расширения революционной агитации в 1894 г. он, к своему удивлению, натолкнулся на «самобытную компанию-организацию» сорока восьми крестьян из различных сел, которые «ночью выходили с оружием» и карали различных разбойников и «народных пакостников». «Подобные компании, – продолжал он, – мы обнаружили также и в других селах по [битольскому] полю. Первая компания действовала около Битоля по направлению к Крушеву, другая – между Битоля и Мориховско. Ничего разбойного в их деятельности не было, а только истребление плохих турок» [Материали, кн. 8, с. 17–18].

Эти и подобные свидетельства подтверждают, что не Революционная организация методами социальной инженерии породила якобы не существующий «македонский вопрос», а глубинные процессы внутри болгаро-македонского общества призвали к жизни Революционную организацию, ставшую законченным продуктом и выразителем воли и коллективного стремления (осознанного и бессознательного) большинства представителей данного общества.

- Аданър Ф.* Македонският въпрос. София, 2002.
- Биярски Ц.* Неизвестни автобиография и спомени на генерал Александър Протогеров // Македонски преглед. 2007. № 4. С. 125–140.
- Борбите в Македония. Спомени на Отец Герасим, Георги Райков, Дельо Марковски, Илия Докторов, Васил Драгомиров / съст. Б. Й. Николов. София, 2005.
- Ботев Х.* Раздорите между Балканските народи // Знаме. 1875. 28 март.
- Ботев Х.* Сръбската пропаганда между българско население и опасността от нея // Знаме. 1875. 26 януари.
- Гришина Р. П.* Лици модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX в. (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008.
- Даскалов Р.* Българското общество, 1878–1939. Т. 2. София, 2005.
- Елдъров С.* Върховният македоно-одрински комитет и македоно-одринската организация в България (1896–1903). София, 2003.
- Елдъров С.* Мечти и идеали: лидерски качества и поколенчески мотивации в борбите за национално освобождение и обединение 1878–1918 // Македонски преглед. 2011. № 3. С. 51–68.
- Иванова Е.* Балканите: съжителство на вековете. Изследване върху (не) състояването на балканската модерност. София, 2005.
- Кънчов В.* Град Скопие. Бележки за неговото настояще и минало Сегашното и недавното минало на град Велес // Кънчов В. Избрани произведения. Т. 2. София, 1970.
- Кънчов В.* Македония. Етнография и статистика. София, 1996.
- Македония и Тракия в борба за свобода: краят на XIX – началото на XX век. Нови документи / ред. В. Георгиев, С. Трифонов. София, 1995.
- Материали за историята на македонското освободително движение. Кн. 1, 2, 5, 8, 9. София, 1925–1928.
- Матов Х.* Основи на Вътрешна революционна организация (опит за подбиране и формулиране «основите»). С приложение «Що бяхме – що сме?». София, 1925.
- Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. М., 1990.
- Милюков П. Н.* Из поездки в Македонию: европейская дипломатия и македонский вопрос // Вестник Европы. 1899. № 5. С. 52–83.
- Милюков П. Н.* Письма из Македонии // Русские ведомости. 1899. 4 января.
- Михов М.* Един рапорт на Второ политическо отделение при Министерството на външните работи и на изповеданията по македонския въпрос (1906 г.) // Македонски преглед. 1998. № 2. С. 119–144.
- Официалната и тайната българо-турска дипломатия (1903–1925). Документален сборник / съст. Ц. Биярски, В. Китанов. София, 2009.
- Пандев К.* Националноосвободителното движение в Македония и Одринско (1878–1903). София, 2000.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив, ф. 2000, оп. 1, д. 862.
- Свирачев П., Илиева Д.* Поверителен доклад от Андрей Тошев по македонския въпрос от 1907 г. // Известия на държавните архиви. 1992. Кн. 64. С. 95–182.

Смит А. Спомени от Македония. София, 1983.

Сониксен А. Изповедта на един македонски четник. София, 1983.

Струкова К. Л. Новые документы о положении в Ускюбском вилайете в 1903 г.: из донесений русских консулов // Славянский архив. М., 1963. С. 285–320.

Струкова К. Л. Обществено-политическое развитие Македонии в 50–70-е гг. XIX в. М., 2004.

Тодорова М. България, Балканите, светът: идеи, процеси, събития. София, 2010.

Фадеева И. Л. Тенденции национального развития османских народов в XIX – начале XX в.: к истории формирования современной этнополитической ситуации на Ближнем Востоке // Западная Азия: этнополитическая ситуация. М., 1993. С. 25–48.

Христов К. Гоце Делчев. София, 1955.

ЦДА – Централен държавен архив, ф. 1932к, оп. 1, а. е. 166.

Шатев П. В. Македония под робство, Солунското съзаклятие (1903 г.), подготовка и изпълнение. София, 1983. URL: <http://www.kroraina.com/knigi/ps/index.html>.

Яворов П. Гоце Делчев. София, 1904.

Heinsohn G. Sonne und Weltmacht: Terrorism, Aufstieg und Fall der Nationen, 2003. URL: <http://www.pseudology.org/Gallup/Heinsohn.pdf>.

Лабаури Дмитрий Олегович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры новой и новейшей истории

Уральский федеральный университет

620000 Екатеринбург, пр. Ленина, 51

E-mail: labauris@yandex.ru

Labauri, Dmitry Olegovich

PhD (History), Associate Professor
of the Modern and Contemporary
History Department

Ural Federal University

51 Lenin Ave., 620000

Ekaterinburg, Russia

E-mail: labauris@yandex.ru

**FROM THE GENERATIONAL REVOLUTION
TO THE NATIONAL ONE: MACEDONIA AND THRACE
IN THE LATE 19TH AND THE EARLY 20TH CENTURIES**

The author treats the question of the profound preconditions for the growth of the Bulgarian national liberation movement in Macedonia and Thrace in the late 19th and the early 20th centuries. He concludes that Bulgarian national revolution in Macedonia became possible as a result of a whole complex of specific preconditions, including demographic and economic ones and those related with social psychology, information revolution and the change of collective views. The author highlights the demographic factor that ensured not only the numerical growth of Bulgarian ethnic group in Macedonia after the declaration of the Tanzimat

and the steady expansion of the Bulgarian culture, but also considerable rejuvenation and radicalization of the Bulgarian society. The Generational revolution that put the end to the power of cautious graybeards in traditional communities of Macedonia and Thrace, became the prologue to the national revolution.

Keywords: Macedonia, Thrace, Bulgaria, Ottoman Empire, the Macedonian problem, Internal Macedonian-Adrianople Revolutionary Organization (IMARO), Supreme Macedonian-Adrianople Committee (SMAC), demographic priority of youth.